

как потребность в образовании, научной деятельности называть услугой. Это и является главным пунктом непримиримых разногласий культуры и финансово-экономического блока. Культура — не сфера услуг. Более того, культура — не часть «социальной сферы».

«Культура априори не может измеряться рыночными мерками. Есть фонарь — он светит. А сколько человек под ним пройдет, значения не имеет. То же самое с культурой. Это сфера духовности, а нас все время пытаются вытолкнуть к рынку и думают, что рынок все отрегулирует», — сказал заместитель председателя СТД РФ **Геннадий Смирнов**.

«Бердяев писал: государство существует не для того, чтобы на Земле был рай. Государство существует для того, чтобы не было ада, — дополняет Михаил Швыдкой. — Условия нашей жизни теперь таковы, что каждому театру придется набрать специально обученных людей, которые должны в этом разбираться. Но

все же — почему мы выступаем против законопроекта Минфина? Потому что социальная сфера и культура — вещи совершенно разной природы и даже в Советском Союзе четко разделялись по всему законодательству. Теперь, если на театральное поле допустят НКО, то это означает, что значительно возрастет число охотников за бюджетными деньгами. А для стационарных театров это отразится и на фонде зарплаты, и на объеме периодически выделяемых постановочных денег, и на общем финансировании. Серьезная опасность. Я не говорю уже о том, с каким трудом удалось пробить программу поддержки театров малых городов (для них это ощутимые деньги), но законопроект Минфина может и это перечеркнуть. Чтобы быть сильными, театрам надо иметь внятную законодательную базу, которая позволит спокойно заниматься творчеством».

Подготовила Анастасия ЕФРЕМОВА

В РОССИИ

ОМСК. Тебе я бумажные крылья расправлю ль?..

В начале октября в **Омском академическом театре драмы** вышла премьера пьесы **Т. Уильямса «Орфей спускается в ад»** в постановке **Андреаса Мерца-Райкова**. Это третье обращение режиссера к классике американской драматургии. Раньше были выпущены «Трамвай Желание» (2014) в Серовском театре драмы им. А.П. Чехова и «Сладкоголосая птица юности» (2017) в Новосибирском театре «Глобус». Кажется, Мерцу-Райкову человечески близки истории о последних возможностях, о крайней степени отчаяния человека, в котором любой шанс на спасение — это чудо, заведомо невозможное.

Для Омского театра драмы это уже вторая постановка «Орфей...» за всю его историю. Первая была осуществлена в 1974 году **Артуром Хайкиным**. Главную роль Лейди в нем играла легендарная артистка театра **Татьяна Ожигова**. Виталий Вульф писал: «Актриса играет Лейди Торренс смело, сильно, с неуловимой грацией. Успех Ожиговой определяет во многом успех спектакля» («Омская правда», 1974, 2 июня). Сегодня эти же слова можно применить к исполнительнице главной роли в новом спектакле — **Екатерине Потаповой**. Артистка создает образ женщины, живущей в настоящем аду.

На сцене затертая, уже прогнившая, деревянная конструкция, напоминающая

мансарду. Крыша, состоящая из двух частей, разделенных винтовой лестницей, начинает рушиться, в ней огромные дыры, из которых в финале вылезут черви (их в спектакле изображают продолговатые светодиодные лампы). Это не американский городок из пьесы Уильямса, а условное место: любой город любой страны в сегодняшнем мире.

За мрачной сценографией виднеются вереницы бумажных журавликов, растянувшихся вдоль арьерсцены. Это параллельный мир мечтаний и надежд Лейди, ее потерянный рай. Разумеется, простой и сентиментальный поэтический образ отсылает нас к японской легенде о Сааки Садако, девочке, пострадавшей в результате ядерной атаки на Хиросиму. Смертельно больная, она собирала тысячу журавликов в технике оригами, чтобы ее желание выздороветь и жить исполнилось.

Лейди в этом спектакле уже давно не живет, она существует. Мы видим красивую женщину в увядании: строгая прическа, безликий серый наряд. Полной ее противоположностью является Кэрол Катрип

(Юлия Пошелюжная), яркая женщина с развязными манерами. Но обе они борются с невозможностью счастья в этом мире преисподней. Лейди маниакально лелеет мечту о собственном увеселительном заведении, в котором все напоминало бы сад ее погибшего во время пожара отца. Кэрол же страдает отчаянно и демонстративно, цепляясь за каждого, кто мог бы стать надеждой на спасение.

Надежда для обеих находится в лице приезжего паренька Вэла (Егор Уланов), молодого красавца в куртке из змеиной кожи. Он появляется в провинциальном аду, словно в подземном царстве. Надсмотрщиком этого царства в спектакле оказывается шериф Джордан Толбет (Александр Гончарук). Мерц-Райков выводит на сцену настоящих собак, которые беспрекословно слушаются своего хозяина шерифа. Это образ насилия и прямая отсылка к древнегреческой мифологии, к свирепому псу Церберу, охраняющему врата царства Аида.

В спектакле Мерца-Райкова одиноки все, здесь человеку нужен человек, чтоб вцепиться в него до хруста в пальцах, но

Лейди Торренс — Е. Потапова

Бьюла — Т. Прокопьева, Долли Хэмма — Л. Свиркова, Лейди — Е. Потапова

только не отпускать. Спектакль поставлен по переводу **Екатерины Райковой-Мерц**, который отвечает потребностям режиссера. Например, в спектакле нет Дэвида Катрира, он упоминается лишь в монологе Лейди о ее молодости и смерти ее души. Дэвид бросил ее беременную, она сделала аборт, в этот же период сгорел вместе со своим райским садом ее отец. Монолог Лейди выводится на видео, что повышает уровень интимности высказывания: зритель видит лицо героини крупным планом, создается ощущение, что она обращает текст лично к каждому. Таким образом, каждый в зрительном зале становится немного Дэвидом Катриром.

Мерц-Райков в своей режиссерской эстетике является последователем системы Брехта. Омский спектакль не стал исключением: на сцене постоянно находятся музыканты (**Игорь Фауст** — гитара, **Виктор Сухинина** — клавиши, **Антон Рукс** — ударные), артисты исполняют зонги (это и песни, и монологи).

Любовь к Вэлу — это волевой поступок Лейди. Она решает на эту любовь в буквальном смысле слова между смертью ду-

ховной и смертью физической. Абсолютным злом в спектакле становится Джейб Торренс (**Иван Маленьких**). Когда Лейди узнает, что именно он, ее муж, был инициатором поджога сада и убийства ее отца, она совершенно меняется. Лейди появляется на сцене в красном платье, в таком же, как у Кэрол Катрир. Теперь она не смирившаяся женщина, она боец. Она полна решимости отомстить мужу. Кэрол же, наоборот, становится женщиной, которая принимает свою участь, и это тоже передается при помощи костюма, ставшего гораздо более строгим.

Вэл смог на какое-то время вернуть к жизни свою Эвридику — Лейди, но в этой пьесе, как и в спектакле, никто не побеждает. Ад остается адом, и из него нет пути назад ни для кого, включая Орфея. В финале загорается яркий свет, и раздаются два выстрела. Тысяча журавликов исполнили желание Лейди: она забеременела, но это меняет только ее жизнь. Мир остается прежним.

Софья ЧИКИНА

Фото Владимира ЩЕЛКУНОВА